

СЦЕНАРИЙ ВЕЧЕРА, посвященного Джордано Бруно

Джордано Бруно родился в местечке Нола вблизи Неаполя в 1548 году. При рождении ему дали имя Филиппо. До 10 лет мальчик жил в доме отца, затем учился в школе в Неаполе.

«Италия, Неаполь, Нола!» – напишет впоследствии Бруно. – Страна, благословенная небом, глава и десница земного шара. Ты всегда

представлялась мне матерью и наставницей добродетелей, наук и всякого гуманного развития».

Нола, городок Счастливой Компаньи, лежит недалеко от Неаполя, в долине, окруженной горами. К югу от нее виден Везувий, на

востоке плодоносные холмы, покрытые виноградником.

Впечатления от родного пейзажа никогда не покидают Бруно: всюду он носит образ своей милой Нолы, любит называть себя ноланцем, свою философию – ноланской.

По достижении 17-летнего возраста Бруно стал послушником монастыря Сан Доминго Маджоре. Затем был подстрижен в монахи, сменив имя на монашеское Джордано. За 10 лет он прошел все монашеские и богословские ранги, предусмотренные монастырским уставом.

После окончания высшей монастырской школы Бруно защитил докторскую диссертацию, ему было присвоено звание доктора богословия. Почти в то же время на него поступил донос с обвинением в ереси, и арест был неминуем. Сбросив монашескую рясу, Джордано Бруно покинул Неаполь и отправился в Рим, оставив себе навсегда лишь плащ монаха-доминиканца.

Однако доносы следовали один за другим. По этой причине ДБ переезжает в Геную, где преподает детям грамматику, читает молодым дворянам лекцию о небесной сфере. Не имея возможности подолгу оставаться на одном месте он едет в Савонну, Венецию, Падую. В Падуе он издает свою первую книгу «О знамениях времени», которая к сожалению не сохранилась.

Затем странствующий монах отправился в Женеву, где ему оказали поддержку реформаторы-кальвинисты. Но Бруно позволил себе публично указать на ошибки во взглядах авторитетов кальвинистской церкви, и, поскольку кальвинисты по своей жестокости нисколько ни уступали католическим инквизиторам, Джордано Бруно был заключен в тюрьму и в течении 2 недель подвергался публичным позорным экзекуциям.

Здесь хотелось бы поподробнее остановиться на том времени, в котором жил ДБ.

XVI век. Европа разделена на неприяельские станы. Граница проходит в душах людей. Часто под одним кровом живут люди, считающие друг друга еретиками. Католик ненавидит протестанта, гугенот

жаждет гибели католика. Фанатизм застилает глаза. Выход – есть. Перебить с помощью божьей всех тех, кто мыслит по-другому. В католических странах жгут отступников-лютеран и кальвинистов. В Англии пытаются католиков. Во Франции давняя религиозная распря выливается в кошмары Варфоломеевской ночи. Разъяренная толпа безумствует – в Риме ликует папа.

Трудное время. Тщательно оберегая свою власть, церковь бдительно следила за гражданами. Преследовала инакомыслящих еретиков и жестоко

расправлялась с ними. Для этого был образован специальный церковный суд – инквизиция. Казни еретиков представлялись как церковные праздники. Народ, таким образом, держался в повиновении.

В этой среде, полной религиозного фанатизма и политической нетерпимости, пришлось действовать Бруно. Кругом него кипела борьба религиозных партий – а его философия игнорировала религию. Он не касался религиозных вопросов, которые волновали всех. Одновременно он не сторонился ни католиков, ни гугенотов.

Бруно писал: «Мудрость и справедливость впервые начали покидать землю, когда секты начали превращать мнения в источник доходов. Тогда за мнения партий начали бороться, словно за жизнь своих детей, вплоть до окончательного истребления противника».

«...различные расы и секты человечества имеют свои культы и учения и предъявляют претензии на первенство, проклиная культы и учения остальных. В этом причина войн и разрушения естественных связей. Люди, возвысившиеся посредством обмана, объявляют себя проводниками воли и посланниками бога. Поэтому мир страдает от бесчисленных бедствий, и можно сказать, человек является большим врагом человека, чем всех остальных животных».

В речах и книгах Бруно нет нападок на внешние формы христианства и церковного устройства. Именно вокруг них тогда кипели споры. Эти вопросы его просто не интересовали. Он всегда ставил философские вопросы и старался подойти к ним со стороны логики. И естественно, что, идя таким путем, получались иногда результаты, противоречащие церковным догматам.

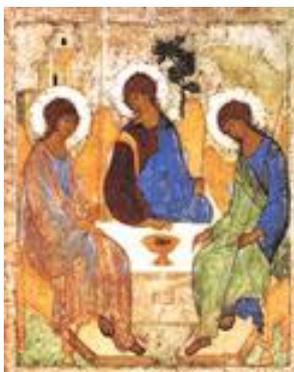

В результате своих размышлений Бруно приходит к мысли, что существующая религия не приносит человечеству желанного покоя, не исправляет нравы. Он был полон негодования на религиозное воспитание того времени: оно наполняло детские умы небылицами и страхами. От этого задерживался религиозный прогресс. А Бруно стремился к прогрессу. Он был полон восторженных надежд на будущее, он видел впереди возможность какой-то философской религии, которая сменит все культы, изгонит обветшалых богов, и избавит от страха вечных мучений.

Бруно в своих трудах решительно освобождает внутренний мир человека от христианского самоистязания. А установку христианина на одинокое проведение жизни в молитве, он заменил на позицию человека деятельного, имеющего целью благо всего человечества.

Мы видим перед собой икону А. Рублева «Троица». Где изображены Бог-Отец, Бог-Сын и Святой Дух. Рассуждая философски, Бруно называл Слово и Разум Отца Сыном, Любовь – Святым Духом.

Дух Святой был для Вселенной, источником нее исходит жизнь и только обладает жизнью и «Я считал и веровал, – один Бог, различный в Святом Духе. Все три

него Любовью, душой жизни в ней разлитой. От одушевление всему, что одарено душой.

писал он, – что существует Отце, Слове и Любви, т.е. в являются, в сущности,

одним Богом, но я не мог понять и сомневался, можно ли к этим трем приложить название лица, ибо, мне кажется, термин «лицо» не может быть прилагателю к Божеству.

Вместе с величайшими философами я полагаю, что в Божестве все атрибуты представляют собой одно и то же.

Различие в Божестве возникает вследствие разума, а не вследствие истины».

Именно за эти изречения впоследствии Джордано Бруно был вынесен смертный приговор.

Хотя Бруно никогда не отрекался от веры в Бога. Вот его слова:

«...верую, господь наш Иисус Христос-Бог. Верую в Бога, единого в троице, и троичного в единстве, Отца и Сына и Святого Духа, в котором лицо Сына является истинным Богом и человеком, соединенными непостижимым образом».

Итак, в это тревожное время, после Женева, ДБ отправился в Тулузу. Там он прожил около 2 лет как светский человек, получил степень магистра и должность профессора университета. Он проводил диспуты, которые вызвали резкую оппозицию в католических университетских кругах

Бруно вынужден был покинуть город и переехать в Париж.

Здесь он добился расположения короля и получил известность, тут впервые увидели свет его труды. Вышли из печати его книги: «О тенях идей», «Искусство памяти», «Песнь Цирцеи», «Подсвечник».

В Париже Бруно читал лекции, вел беседы, участвовал в публичных диспутах и покинул Париж не изгоям, а доверенным королевского

правительства, будучи зачислен в свиту французского посла при английском дворе.

Весной 1583 года он переехал из католической Франции в протестанскую Англию, где провел 2,5 года. Его выступления, диспуты, где он отстаивал идеи Пифагора, Парменида, излагал систему Коперника, натолкнулись на стену непонимания, самомнения и невежества. Ему запрещали публичные лекции. Свои взгляды он изложил в трудах: «Пир на пепле», «О причине, начале и едином», «О бесконечности, вселенной и мирах».

Осложнение политической обстановки вынудило Бруно вернуться в Париж, затем переехать в Германию.

Везде он стремился к широким аудиториям, публичным выступлениям, диспутам, и везде после нескольких лекций ему отказывали, в одних под благовидным предлогом, в других - с угрозой.

Вот, например, Джордано Бруно выступает в Оксфордском университете, на кафедре. Кругом толпы слушателей, торжественный сонм профессоров, а над ними маленькая фигурка волнуется и жестикулирует, и увлекается, и говорит каким-то своеобразным латинским языком, и говорит такие вещи, от которых краснеют стены богословской аудитории. Он толкует о бессмертии души и тела! (Так же как тело, разлагаясь, видоизменяется, так же и душа, покинувшая плоть, кристаллизуется вокруг себя, долгим процессом, атом за атомом, образуя новые тела).

Природа души одинакова в человеке и в насекомом, у устриц и растений, и разница проявлений определяется большим или меньшим совершенством тех орудий, которыми душа располагает в каждом случае.

Таких странностей и много других все в том же роде еще никогда не приходилось слышать благочестивым оксфордцам. И, конечно же появлялись враги лекции прекращались.

Однако, во всех городах, где Бруно останавливался, находились люди, которые воспринимали его идеи, образовывались группы, ядра последователей, учеников, единомышленников. Бруно много работал с такими людьми, передавал свои взгляды, мировоззрения.

Например, в Англии Бруно был знаком с государственным деятелями, поэтами, литераторами: Сиднеем, Гревилем, Гарве, поэтом Спенсером, Вильгельмом Темплом. Бруно знал Уольсингема, Лэстера, Берлэ, Бэкона. Это все были люди, настроенные на поднятие национальной культуры, это был цвет тогдашней интеллигенции. Шекспир был в Лондоне в то же время, что и Джордано Бруно. Мы не знаем, был ли он знаком с Джордано Бруно, но наверняка читал его книги: философские монологи Гамлета полны бруновских идей.

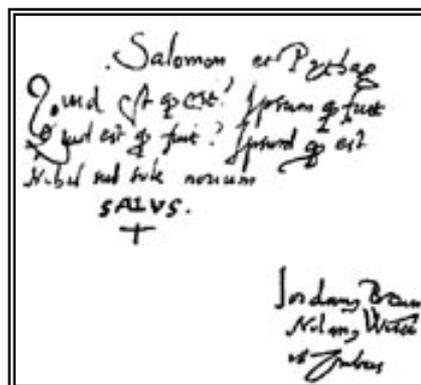
Бруно, путешествуя по всей Европе, выступал в роли свободного лектора. Его можно назвать лучшим представителем свободного профессора того времени.

Бруно любил импровизацию и читал страстно, оттого увлекал других. Его речь ясная, изящная, то блеснула метафорами, остроумными сравнениями, то любопытными цитатами. Он сулил раскрытие великих истин, и обещание сопровождалось таинственными словами, которые поджигали интерес у слушателей.

Бруно странствует из одного университета в другой и, куда ни придет, начинает читать, никого не спрося, не прося ничьей протекции. Там, где он встречает препятствие, он удаляется в негодование и странствует далее. То было время, когда университеты не были охраняемы и закрепощаемы немногими. Бруно свободно выступал в них, вызывал преподавателей на ученый поединок и сам читал и спорил перед глазами ученого люда всей Европы. Эти споры создали тех могучих гладиаторов науки, которые привели Европу к научному и литературному возрождению.

Новое понимание мира рвалось в стены лабораторий и кабинеты ученых, предвещало щедрый урожай научных теорий, открытий, изобретений. Само же имя Джордано Бруно оставалось часто в тени. Лишь в дневниковых записях Галилео Галилея, Кеплера, Декарта сохранилось имя учителя-Джордано Бруно, которому, впрочем, всегда была чужда слава, но дорога истина.

Осенью 1591 Бруно прибыл в Падую, расположенную недалеко от Венеции. Ему предложил свое покровительство Джованни Мочениго, отпрыск знатнейшей фамилии, с условием, что Бруно обучит его искусствам памяти и изобретения. В характере Бруно не было осторожности, что дало возможность Мочениго собрать на Бруно множество компрометирующего материала. Мочениго самолично подверг его домашнему аресту, написал донос в церковный суд Венеции, и 26 мая 1592 года венецианская инквизиция начала судебный процесс по делу Бруно.

Восемь лет провел Джордано Бруно в застенках инквизиции. Бесчисленные допросы с угрозами, издевательствами, физическим насилием; пытки чередовались с длительными периодами одиночества, месяцами неопределенности. Многократно Бруно излагал перед инквизиторами свои взгляды. И не раз за восемь лет не отрекся от них.

Что же дало ему силы выстоять? Давайте обратимся к книге Джордано Бруно «О героическом энтузиазме», в которой он пишет о Героическом энтузиасте – практически о самом себе.

«Я не считаю, что меня что-либо может связать, так как убежден, что не хватило бы никаких веревок и сетей, которые смогли бы меня опутать какими то ни было узами, даже, если бы с ними пришла сама смерть. Равно не считаю я себя и холодным, так как, для охлаждения моего жара, думается не хватило бы снегов Кавказских или Рафейских гор», – так начинается рукопись «О Героическом энтузиазме».

Героический энтузиазм был движущей силой в жизни Джордано Бруно, полной лишений и опасностей. Во имя чего совершает подвиг героический энтузиаст? – Во имя Любви. Любви к Богу, к Божественной Красоте, к Истине.

Любовь, тебе я славу воздаю...
Ты помогай мне в подвиге моем!
И если даже цель недостижима,
Иль второпях душа несется мимо,
Я счастлив тем, что мчит ее подъем,
Что ввысь всегда меня ты устремляешь
И из числа презренных отделяешь.

Вот что пишет Джордано Бруно:

«Всякая любовь (если она героическая) имеет объектом Божество, стремится к Божественной Красоте, которая прежде всего приобщается к душам и расцветает в них, а затем от них... сообщается телам.

Любовь – это огонь,
зажигающий душу... Этот
огонь есть горячее
желание Божественных
дел... Героический

энтузиаст, поднимаясь при помощи восприятия вида Божественной Красоты и Доброты, на крыльях ума и созидательной воли, возвышается до Божества, покидая форму более низкого существа... Меня Любовь преображает в Бога из низшей вещи. Благодаря Любви ... любящий стремится придти к цели ... еще большей и прекрасной».

А «Цель пути героического человека не должна иметь конца». Она должна быть «бесконечна... в совершенстве».

Путь героя ведет к Красоте. Жизнь героя – борьба до победы, победы силы духа. Бруно пишет:

«...героический дух подвергаться испытаниям, поднявшись до желания даже больше: он сможет

А еще, что бы всем узнать главную Мудрость и Истину.

всегда будет идти вперед и пока не увидит себя Божественной Красоты. И достичь этого».

одержат победу, нужно во добродетель: Красоту,

«Только тот, кто обладает тройной добродетелью: Красотой, Мудростью и истиной, может вследствие ее распечатать всякую печать, развязать всякий узел, раскрыть всякую тайну, отпереть любую запертую вещь».

И только победив страх, можно победить в борьбе.

«Посмотри на результаты боязни зла – они хуже самого зла, – пишет Бруно. – Страх смерти хуже, чем сама смерть. Что может быть глупее, чем мучиться из-за отсутствующего будущего, присутствие которого еще и не чувствуется!»

Страх побеждается единой волей.

Бруно описывает человеческую волю, как капитана, управляющего при помощи маленького руля разума, стихиями и грозами,

бушующими внутри него. «Звучком трубы он созывает всех воинов, вызывает все внутренние силы человека... и старается организовать их под единым знаменем определенной цели».

Силой воли нужно уметь превращать самые большие горести в самые большие блага.

Бруно говорит, что у тех, кто является любимцем небес, самые большие горести превращаются «в столь же великие блага, потому что нужда порождает усилия, а это... приводит к славе бессмертного сияния».

Когда Джордано Бруно кто-то сказал, что не каждый человек может достигнуть того, что проповедовал он, чему учил в своем «Героическом энтузиазме», Бруно ответил: «Достаточно, чтобы стремились все, достаточно, чтобы всякий делал это в меру своих возможностей, потому что героический дух довольствуется скорее достойным падением или честной неудачей в том высоком предприятии, в котором выражается благородство его духа, чем успехом и совершенством в делах менее благородных и низких. Нет сомнения, что лучше достойная и героическая смерть, чем недостойный и подлый триумф».

Это сказал Джордано Бруно – и сдержал слово. История редко видит такие примеры чести и благородства.

Джордано Бруно последние годы жизни провел в камере, в сыром каменном мешке, в наружную стену которого днем и ночью бил речной прибой. Потолок камеры был низкий, и Бруно не мог выпрямиться во весь рост. Бумаги, чернил и книг ему не давали. Кто знает, что пережил, передумал, перестрадал одинокий воин за долгие 8 лет?

Долго не решались инквизиторы на казнь, слишком заметной фигурой был ноланец. Еще более невозможным было для церкви дать ему свободу,

так как никакие лишения не могли укротить могучий дух этого человека, принудить его к отречению.

Церковной инквизицией Джордано Бруно был вынесен приговор, вот отрывок из него:

«Называем, провозглашаем, осуждаем, объявляем тебя, брата Джордано Бруно, нераскаявшимся, упорным и непреклонным еретиком. Посему ты подлежишь всем осуждениям церкви и карам, согласно святым канонам, законам и установлениям, относящимся к подобным явным, нераскаянным, упорным и непреклонным еретикам.

Ты должен быть отлучен, как мы тебя отлучаем от нашего церковного сонма и от нашей святой и непорочной церкви, милосердия которой ты оказался недостойным.

Ты должен быть предан светскому суду, и мы передаем тебя суду монсиньора губернатора Рима.

Сверх того осуждаем, порицаем, запрещаем все твои книги и писания, как еретические и ошибочные, заключающие в себе многочисленные ереси и заблуждения. Повелеваем, чтобы отныне все твои книги, какие находятся в святой службе и в будущем попадут в ее руки, были публично разрываемы и сжигаемы на площади Святого Петра перед ступенями и как таковые были внесены в список запрещенных книг, и да будет так, как мы повелели.

Так мы говорим, возвещаем, приговариваем, объявляем, отлучаем из сана, передаем и молимся, поступая в этом и во всем остальном несравненно более мягким образом, нежели с полным основанием могли бы и должны были бы.

Сие провозглашаем мы, кардиналы генеральные инквизиторы, поименованные ниже.»

При вынесении приговора о казни Бруно произнес:

«Вы с большим страхом произносите приговор, чем я его выслушиваю».

17 февраля 1600 года ДБ был сожжен на площади цветов, книги Бруно были сожжены у его ног.

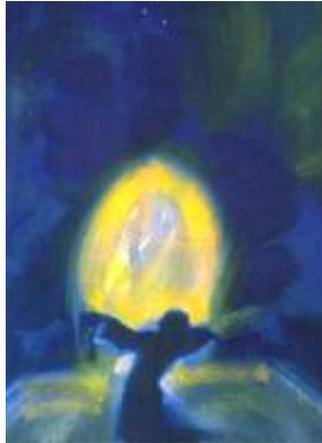
В поэме «О безмерном и неисчислимых» Бруно рассказывал о том, что с детства Везувий представлялся ему другом и братом. День сожжения Бруно совпал с сильным землетрясением при извержении Везувия. Колебания почвы докатились до Рима.

Музыкально-поэтическая композиция
на стихи Н.Уранова, посвященная подвигу Д.Бруно.

РАСПЯТИЕ

Пылает мир самовлюбленный
Огнем страстей, но грозен рок.
Вздыбились тучи, как драконы,
И чертит молнии Восток.
И близок, близок час расплаты...
Но мир безумьем ослеплен,
И скорбен Лик Его распятый
На тяжком золоте икон.
Но крылья духа над тобою -
Ты будешь дерзок и, любя
Его, пойдешь Его стезею,
И, как и Он, распнешь себя.

ПОДВИГ

Принять огонь Твоих Сокровищ
И озарить сердца людей-
Пройти через толпу чудовищ,
Между гирлянд шипящих змей.
Когда любое проявленье
Им недоступной доброты
Невежды сделают мишенью
Для самой злобной клеветы.
Когда коварный и преступный,
Святым себя считая сам,
Как тень при свете, неотступный,
Враг устремится по пятам.
Когда пригретый лаской нежной,
От бед спасенный столько раз,
Придет предатель неизбежный
Продать нежданно, в грозный час.
Скажу я: «Нет таких чудовищ,
Чтоб запретить душе моей
Принять огонь Твоих Сокровищ
И озарить сердца людей!»

ОГОНЬ ПОЗАДИ

Уже весь мир объят пожаром,
Уже весь мир горит в огне.
И каждый миг, пропавший даром,
Сравнится с жизнью по цене!
Огонь спешит, и нет спасенья!
Открыт вперед лишь путь один-
Не упуская ни мгновенья.
Идти к сиянию ВЕРШИН!
Идти вперед и гнать усталость,
Упавши, встать и вновь идти,
идти, во что бы то ни стало:
ОГОНЬ И ГИБЕЛЬ ПОЗАДИ!

УДАРЫ

От ударов не станем печальней.
Губы сжав, мы отгоним печаль,
Пусть же молот о грудь наковальни
Закаляет духовную сталь.
И тогда кто стоит непреклонно,
Кто незыблем и тверд, как гранит,
Тот увидит во мраке сгущенном,
Как горят от ударов огни.
Так под натиском бешеной своры
Мы все ближе подходим к черте,
За которой бескрайни просторы.
И просторы ведут к Красоте.

Наука 16 века опиралась на представление о Земле, как о центре Вселенной. Н.Коперник поместил Солнце в центр мира, но вокруг оставил сферу неподвижных звезд. Д.Бруно создал поразительную картину Мироздания. Бруно учил, что небо не ограничено никакими сферами, что есть единое, безмерное, бесконечное пространство, которое содержит в себе все: звезды и созвездия, солнца и земли. Эта удивительная картина Мироздания на несколько веков опередила развитие наблюдательной астрономии.

Джордано Бруно направил мысль человечества к неизведанным далям, к беспредельности. И за это был осужден. Но факел, зажженный Бруно в веках не угас.

Наука 20 века подошла к исследованию проблем, поставленных Д.Бруно, по-своему, опираясь на свой опыт и свои методы исследования и подтвердила многие его утверждения, данные в 16 веке.

Джордано Бруно писал:

«Эти отдаленные от нас светила – не светляки, не лампы и факелы, но огромные тела миров, намного большие, чем этот земной мир, который мы населяем».

Да, это так, – подтвердила наука 20 века. Вот изображения планет-гигантов, Юпитера и Урана, которые гораздо больше Земли.

«Не противоречит разуму так же, – говорит Д.Б., чтобы вокруг солнца кружились еще другие земли, которые незаметны для нас».

«Не противоречит разуму так же, – говорит

Вот изображение нашей Солнечной системы и планет Урана и Нептуна. Ведь Уран, Нептун, Плутон были открыты гораздо позднее времени, в которое жил Джордано Бруно.

Бруно писал:

«Все мерцающие звезды суть огни или солнца, вокруг которых с необходимостью вращаются многочисленные планеты.

– Но каким образом мы можем различать между огнями и землями?

– Благодаря тому, что огни неподвижны, а земли подвижны, а также, благодаря тому, что огни мерцают, а земли не мерцают.

– Существует, следовательно, 2 вида светящихся тел, а именно огненные, которые светятся первично, и водянистые и кристаллические, которые светятся огненным светом». На снимках – Марс и Солнце.

Д.Бруно говорит о различии между звездами и планетами, между огнями и землями. А ведь то, что вокруг солнц вращаются планеты, ученые обнаружили только в конце 20 века (в 90 годах 20 века)!

Заглянув в глубины Космоса, мысль Бруно углубляется в вещество. Из чего все состоит?

– Из атомов, – сказали бы в 20 веке. Мысль о существовании атомов возникла еще в древности. Но только в 17 веке была возрождена французским философом Гассенди и английским химиком Бойлем. Франция и Англия – те страны, в которых в конце 16 века читал свои лекции Бруно.

«Наименьшие, поскольку они соединимы вместе с тем и разъединимы, не проникают одно в другое, не смешиваются, но только соприкасаются. Поэтому без них не может быть никакого плотного тела», – писал Д.Бруно.

«Одно и то же не состоит из тех же самых частей, как только пройдет мгновение времени. Нет ничего постоянного в границах, которые не определяются атомом, так как все части предмета уносятся в постоянном приливе и отливе».

Покоя нет – все движется вращаясь,

На небе, иль под небом обретаясь,
И всякой вещи свойственно движенье,
Близка она от нас, иль далека,
И тяжела она или легка.
И все быть может, в том же направленьи
И тем же шагом вверх и вниз идет,
Пока себе единства не найдет.
Так море буйное колеблется волненьем,
То опускаясь вниз, то вверх идя горой,
Но остается все ж самим собой,
Один и тот же вихрь своим вращеньем
Всех наделяет тою же судьбой.

Вихрь, наделяющий судьбой всех. Может быть это вихрь, зародивший нашу Галактику, нашу Солнечную систему?

Да, наука 20 века подтверждает слова Бруно, что именно при помощи вихря образовалась наша Галактика, Солнечная система и Вселенная.

При помощи современной техники астрономам стали доступны самые удаленные уголки Вселенной, которые невозможно было увидеть в 16 веке. Самые удаленные уголки Вселенной, значит самые удаленные по времени. И в будущем мы сможем заглянуть во времена, близкие к рождению Вселенной, когда не было еще ни галактик, ни звезд. А что было? Может быть, об этом состоянии материи пишет Бруно:

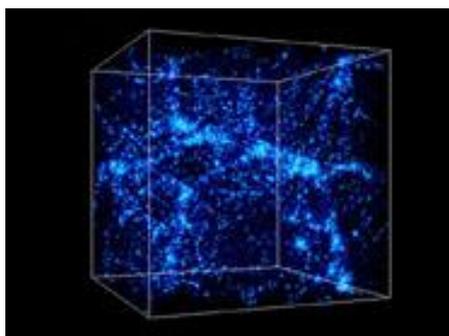
«Субстанция вещей неизменна, бессмертна... отсюда все рождается и сюда все возвращается».

«То, что нельзя увидеть в малом, легко можно заметить в большом. В целом открывается то, что скрыто

в отдельной части. Надо понимать, что все находится во всем... ибо природа все создает из всего и творит все из глубин материи.

Так возвысь же свой дух к другим звездам, к иным мирам. Те же повсюду существуют материальные начала, та же действующая причина, та же активная и пассивная творческая способность, тот же порядок, обмен, движение».

Так Джордано Бруно говорит о Единстве мира. В едином мире действует единый закон организации материи. И камни, и растения, и Солнце, и Вселенная имеют ячеистую структуру, похожую на соты. Только соты различаются по размерам. От молекулярных

размеров до огромных размеров ячейки Вселенной, стенки которой состоят из скоплений галактик.

«Надо помнить о том, что миры, виды, которые находятся в мирах, – растения, камни, животные состоят из одних и тех же элементов». «Солнце составлено из тех же элементов, что и Земля», – пишет Д.Бруно, что подтверждается современной наукой. А «...растения, камни и вся громада земли состоит из жил, нервов, мяса, костей и такого же жизненного дыхания, как и мы».

Бруно говорит о звездах и планетах, как о живых существах.

«Миры – самые первые и наиболее божественные живые существа

Вселенной. Звезды суть ангелы. Звезды являются ангелами, одушевленными разумными телами. Слово «ангелы» означает не что иное, как вестники голоса бога и природы, и эти ангелы ощутимы, видны, в отличие от других, невидимых, неоощутимых».

И тут надо отметить, что та удивительная картина мироздания, которую исповедовал Джордано Бруно, противоречила существовавшим в то время взглядам. Но она, в главных своих чертах, подтвердилась в настоящее время. А то, что пока не подтвердилось? Это, может быть, пока...

Фрагменты из книги Д.Б. «О бесконечности, вселенной и мирах».

«Мы полагаем, что для живых существ нашего рода обитаемые места редки, однако не подобает считать, что есть часть мира без души.

Жизни, а, следовательно, без живых существ. Ведь глупо и нелепо считать, будто не могут существовать иные ощущения, иные виды разума, нежели те, что доступны нашим чувствам».

«— Другие миры также обитаемы, как и этот?

— Если не так и не лучше, то, во всяком случае, не меньше и не хуже. Ибо разумному и живому уму невозможно вообразить себе, чтобы все эти бесчисленные миры, которые столь же великолепны, как наш, или даже лучше его, были лишены обитателей, подобных нашим или даже лучших.

Я считаю для себя допустимым мнение, что в этих мирах имеются разумные существа, живые и бессмертные, которые вследствие этого следует скорее называть ангелами, чем людьми. Это разумные бессмертные существа, в высшей степени отличающиеся от нас людей.»

Высокоразвитые существа Вселенной, находящиеся на различных стадиях эволюционного процесса, в том числе значительно опередивших земное человечество. В какой-то мере они близки к современному понятию ВЦ. Отличие состоит в том, что в понятии ВЦ упор делается не на духовные, а на технологические аспекты.

Итак, в мировоззрении Джордано Бруно одно из важнейших мест занимает учение о множественности обитаемых миров.

«На этих мирах обитают живые существа, которые возделывают их, каждый мир точно также составлен из элементов, как и тот мир, в котором мы находимся, с тем только отличием, что в одних преобладает одно активное качество, в других же другое, почему одни чувствительны к воде, другие к

огню.

– Думаете ли вы, что огненные миры также обитаемы, как и водные?

– Нисколько не меньше.

Каждый из миров занимает свое место в эфирном поле таким образом, что ни один не касается и не сталкивается с другим, ни один

из них не разрушает другого, но они взаимно подкрепляют друг друга.

И для того, чтобы Вселенная сохранила свое существование и совершенствовалась необходимо бесконечное множество миров.»

«В целом мои взгляды следующие:

Существует бесконечная Вселенная, созданная бесконечным могуществом. Ибо я считаю недостойным благости и могущества божества мнение, будто оно создало конечный мир.

Итак, я провозглашаю существование бесчисленных отдельных миров, подобных миру этой земли. Вместе с Пифагором, я считаю ее светилом,

подобным Луне, другим планетам, другим звездам, число которых бесконечно. Все эти небесные тела составляют бесчисленные миры. Они образуют бесконечную Вселенную в бесконечном пространстве. Таким образом, есть двоякого рода бесконечность –

бесконечная величина Вселенной и бесконечное множество миров.

Далее, в этой Вселенной я предполагаю универсальное провидение, в силу которого все существующее живет, развивается, движется и достигает своего совершенства.

От этого духа, называемого жизнью Вселенной, и происходит далее, согласно моей философии, жизнь и душа всякой вещи, которая имеет душу и жизнь., которая поэтому, как я полагаю бессмертна, подобно тому, как бессмертны по своей субстанции все тела, ибо смерть есть не что иное, как разъединение и соединение.»

Музыкально-поэтическая композиция
на стихи Джордано Бруно

К СВОЕМУ ДУХУ

Ты глубоко, гора, в земле залегаешь корнями,
Но неудержно стремишь к звездам вершину свою.
Ум, высочайший предел ты всех вещей постигаешь.
Солнечный свет оттенив мраком подземных глубин.
Смело стремись в высоту, в отдаленные сферы природы,
Ибо вблизи божества ты запыхаешь огнем.

ДЖОРДАНО НОЛАНСКИЙ К НАЧАЛАМ ВСЕЛЕННОЙ

Хоры блуждающих звезд, я к вам свой полет направляю,
К вам поднимусь, если вы верный укажите путь.

Ввысь увлекая меня, ваши смены и чередованья
Пусть вдохновляют мой взлет в бездны далеких миров.
То, что так долго от нас время скупое скрывало,
Я обнаружить хочу в темных его тайниках.
Землю потоки теней покрывают, – однако вершину
Все же ты, о наш Олимп, к яркому солнцу вздымай.

О ЛЮБВИ

Любви доступны истины вершины.
Сквозь адамантовы проникнув огражденья,
Мой гений свет несет; для наблюденья
Рожден, живет он вечным властелином;
Земли, небес и адовой стремнины
Правдивые дает изображенья,
Врагам наносит смело пораженья,
Внедряется в сердечные глубины.

* * *

Единое, начало и причина,
Откуда бытие, жизнь и движенье,
Земли, небес и ада порожденья,
Все, что уходит вдаль и вширь, в глубины.
Для чувства, разума, ума - картина:
Нет действия, числа и измеренья
Для той громады, мощи, устремленья,

Что вечно превышает все вершины.
Слепой обман, миг краткий, доля злая,
Грязь зависти, пыл бешенства с враждою,
Жестокосердье, злобные желанья
Не в силах, непрерывно нападая,
Глаза мои задернуть пеленою
И солнце скрыть прекрасное сиянье.

* * *

Мой путь уединенный к тем селениям,
Куда ты помысел свой уже простер,
Уводит к бесконечности – с тех пор,
Как жизнь сравнивал с искусством и умением.
Там возродись; туда взлети парнем
Двух резвых крыл, меж тем как, вперекор
Тебе, надменный рок закрыл простор
Пред целью, милой вновь твоим стремленьям.

* * *

Уйдя из тесной, сумрачной пещеры,
Где заблужденье век меня томило,
Там оставляю цепи, что сдавила
На мне рука враждебная без меры.
Низвергнуть в ночь отныне вечер серый
Меня не может – мощь, что покорила
Пифона, чьею кровью окропила

Поверхность вод, попрала власть Мегеры.
Тебя благодарю, мой свет небесный;
К тебе стремлюсь, мой голос благородный;
Тебе вручаю сердце я с любовью,
Рука, исторгшая меня из бездны,
Приведшая меня в чертог свободный,
Больной мой дух вернувшая здоровью.

* * *

Кто дух зажег, кто дал мне легкость крылий?
Кто устранил страх смерти или рока?
Кто цепь разбил, кто распахнул широко
Врата, что лишь немногие открыли?
Века ль, года, недели, дни ль, часы ли
(Твое оружие, время!) – их потока
Алмаз и сталь не сдержат, но жестокой
Отныне их я не подвластен силе.
Отсюда ввысь стремлюсь я, полон веры,
Кристалл небес мне не преграда боле,
Рассекши их, поднимаюсь в бесконечность.
И между тем, как все в другие сферы,
Я проникаю сквозь эфира поле,
Внизу – другим – я оставляю Млечность.

